

НИКОЛАЙ ГОРНОВ

ЗАРОДЫШ

Николай Викторович Горнов

Зародыш

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24435137
ISBN 978-5-99051555-3-6

Аннотация

Сейчас об этом мало кто помнит, но еще каких-то 30 лет назад фантастику читали все – от пионеров до пенсионеров. И вовсе не потому, что авторы звали в технические вузы или к звездам. Читатели во все времена любили интересные истории об обычных людях в необычных обстоятельствах. Николай Горнов, омский журналист и писатель, – один из немногих, кто это помнит. И до сих пор не разделяет фантастику и литературу. Написанные за последние пять лет тексты, составившие его третью книгу, в сегодняшнем понимании трудно назвать фантастикой. Скорее это просто интересные истории, в которых мы видим жизнь во всем ее фантастическом многообразии. Он пишет о том, что с нами происходит сегодня и, вполне возможно, произойдет завтра. Если мы не попытаемся изменить свою жизнь, конечно...

«Туманная осень, когда появился на свет будущий гений финансового рынка Ромка Берёзкин, выдалась еще и на редкость холодной, а в сентябре отмечались первые заморозки даже в относительно южном Волгограде, куда на седьмом месяце трудной беременности приехала из своего северного Усть-Кута

мать Ромки – Светлана Берёзкина. Знала бы Светлана, что на поддержку волгоградской родни ей рассчитывать не имеет смысла, может, и не трогалась бы с места...»

Николай Горнов

Зародыш

Туманная осень, когда появился на свет будущий гений финансового рынка Ромка Берёзкин, выдалась еще и на редкость холодной, а в сентябре отмечались первые заморозки даже в относительно южном Волгограде, куда на седьмом месяце трудной беременности приехала из своего северного Усть-Кута мать Ромки – Светлана Берёзкина. Знала бы Светлана, что на поддержку волгоградской родни ей рассчитывать не имеет смысла, может, и не трогалась бы с места. Впрочем, Светлана тогда многого не знала. И что рожать ей придется в холодной палате ничем не примечательного роддома номер два на улице Совнархозной, и что имя ее навсегда останется в новейшей истории, поскольку не многим женщинам выпадает честь стоять у колыбели одного из самых крупных капиталов новой России. Она и сына-то своего, Ромку, толком узнать не успела. Судя по официальной биографии магната, Светлана Берёзкина умерла спустя всего полгода после возвращения с новорожденным сыном в Усть-Кут, где папа его, Аркадий, трудился в то время по линии снабжения в местном отделении железной дороги.

Ненадолго, кстати, пережил жену и Аркадий. После похорон любимой супруги известный на весь Усть-Кут остролов, бабник, балагур и просто красавец превратился в блед-

ную тень себя самого, стал сильно пить, шараялся от людей и редко появлялся на работе, вследствие чего Ромку из опасения за его судьбу взяла на воспитание бабушка. А еще через полтора года на одном из многочисленных субботников с Аркадием произошел несчастный случай. Плохо закрепленная стрела башенного крана сорвалась и перебила ему обе ноги. Три дня спустя Аркадий умер. Врачи только развели руками. Сказали: крайне редкий случай. Мол, частицы костного мозга забили кровеносные артерии. Ромке про смерть отца долгое время не сообщали. Сначала придумывали папину занятость, затем ввали про какие-то длительные командировки, а потом сироту и вовсе отправили подальше из Усть-Кута – к старшему брату отца, Леониду Берёзкину, который жил в то время в Сыктывкаре, а трудился главным бухгалтером в какой-то лесной конторе Республики Коми.

Вот так и вышло, что один из самых богатых и влиятельных людей планеты, чье состояние оценивается сегодня цифрой с сумасшедшим количеством нулей, провел детство и значительную часть своей босоногой юности в старой панельной пятиэтажке на окраине забытого всеми богами города Сыктывкар. Там он без блеска окончил среднюю школу, поступил в индустриальный институт, а в положенное время был призван оттуда же на службу в военно-строительный полк куда-то под Архангельск. После службы Ромка возвращаться в Сыктывкар не пожелал, только завернул на пару дней к дяде Леониду, после чего рванул в Москву, где вос-

пользовался возможностью пристроиться на проживание к другому дяде – Андрею Берёзкину. Время тогда было странное, мутное, неопределенное. Но Ромка в нем не потерялся. Для начала организовал кооператив по производству игрушек из второсортной пластмассы, а потом стал заниматься, как принято говорить, торгово-посреднической деятельностью. И был в этой деятельности даже успешен. Правда, тогда еще никто не решался предрекать молодому кооператору столь блестящее будущее.

Перелом для Ромки Берёзкина случился в начале девяностых, когда на просторах страны могло бесследно раствориться все, что угодно. В случае с Ромкой растворился железнодорожный состав из пятидесяти пяти цистерн, доверху наполненных государственным дизельным топливом. Состав вполне благополучно выехал из ворот Ухтинского нефтеперерабатывающего завода, сколько-то километров прогромыхал по рельсам родины, но к адресату не прибыл. И хотя достоверно об этом деле ничего не известно до сих пор, но в ходе следствия многие свидетели высказывали подозрение, что придумал успешную операцию Ромка. Во всяком случае, именно он был замечен с подложными документами на станции «Подмосковная», где государственные цистерны видели в последний раз. Впрочем, следственное управление ГУВД города Москвы глубоко в это дело погружаться не стало. Материалы были направлены на доследование в Ухту, где их след затерялся окончательно. А спустя три года уже и

спрашивать было не с кого. К тому времени Ромка стал большим человеком – совладельцем нефтяной компании «ХантыНефть».

Примерно на то же время пришелся и расцвет финансовой империи «Бета-Банка», за которой, как известно, стоит Михаил Мартович Фурманов, один из бывших друзей Ромки Берёзкина. Миша был старше Ромки ровно на два года, на два десятка килограммов тяжелее, курс молодого бойца проходил не в Советской армии, а в орденоносном Ленинском комсомоле, но тем не менее нечто общее у этих юношей имелось. Например, странности в их биографиях. Как и в случае с Ромкой, история появления Миши на свет буквально пестрит лакунами. Достоверно известно только его место рождения – в городе Львове Фурмановы не редкость, – ну а все остальные факты вызывают множество вопросов. Известно, что маме Миши, Марии Львовне, было в момент его рождения уже далеко за сорок. Она долго не могла зачать. И как же она справилась с этой задачей? Как незаметно для окружающих смогла перенести столь позднюю беременность? Как, в конце концов, ухитрилась без особых последствий разрешиться от бремени, да еще таким розовощеким крепышом? Официальные биографы Михаила Мартовича на такие вопросы ответов не дают.

А почему вдруг юный Миша воспитывался в такой пуританской строгости? Обычно в поздних и долгожданных малышей родители вкладывают все силы, без усталости балуют

их и возвращают в итоге нежных, неприспособленных и самовлюбленных отроков. В случае Миши Фурманова этого не произошло. Мария Львовна, не отличавшаяся до родов крутым нравом, после появления на свет Миши спуску не давала ни старшему Фурманову, ни младшему. Гостей она перестала принимать вообще, да и Мише никого из друзей приводить в дом не разрешала. И большую часть своего детства отличник Миша проводил в одиночестве, развлекая себя чтением приключенческих книг и долгими беседами с двумя любимыми волнистыми попугайчиками – Осей и Мотей, судьба которых сложилась потом, как говорят, печально.

Впрочем, еще неизвестно, как сложилась бы судьба самого миллиардера, останься он чуть подольше под влиянием матери. Но юному Фурманову удалось сбежать из дому буквально сразу после окончания школы. Предлог он нашел весомый – поступление в Московский физико-технический институт. Правда, в этот вуз Миша не попал и забросил свой аттестат в Московский институт стали и сплавов, первым оказавшийся у него на пути. Будущему финансовому гению не исполнилось тогда и семнадцати, в своей студенческой группе он был самым молодым и толстым, что могло бы, по идее, доставить ему множество неприятных минут, но робкий юноша не зажался, не замкнулся в себе, как следовало ожидать, а совсем наоборот – расцвел. Успевал играть на простеньком синтезаторе в факультетской рок-группе «Земляничная поляна», нещадно колотить грушу и даже пробе-

гать ежедневно по пять километров, чтобы сбросить весовые излишества.

Успешно шло продвижение Миши Фурманова и по комсомольско-карьерным ступенькам. Да так стремительно, что к третьему курсу он преобразился до неузнаваемости. Стал тонким, звонким, задиристым, властным. К тому времени он научился стильно одеваться и мог на спор познакомиться на улице с любой красивой девушкой. Многие были уверены, что деньги у Миши возникали сами собой. Но это было не так, конечно. Деньги Миша зарабатывал торгово-финансовыми операциями, которые обязательно завершались успехом. Но из этого вовсе не следует, что каждый ничем не выдающийся паренек из города Львова всего за каких-то десять лет может прибрать к рукам огромные активы во многих ключевых секторах экономики – нефтяном, банковском, страховом, телекоммуникационном. И даже если допустить, что был Миша фантастически упрям, рачителен, педантичен, расчетлив, рассудителен, подозрителен и до крайности умен, то все равно таких людей найдется не одна тысяча. Какая же алхимия помогла именно Мише Фурманову? Нет ответа на этот вопрос.

Не помогут в поисках ответа и старшие Фурмановы. Пожилая чета в конце восьмидесятых покинула Львов и переехала на постоянное место жительства в Кёльн, а потом, как говорят, еще дальше – на Фиджи. Видимо, они там счастливы. Правда, один любознательный русский паренек,

имеющий австралийское подданство, не поленился объехать все триста тридцать два острова этой замечательной во всех смыслах республики и ни в одном из интернациональных поселений Фиджи, где разрешалось проживать иностранцам, следов пожилых родителей русского финансового магната не обнаружил. О чем и поведал на своей страничке в социальной сети «Фэйс-ту-Фэйс». А спустя несколько дней голландские серверы, на которых размещался портал, подверглись массивной DDOS-атаке, после которой владельцы популярной некогда сети почти год собирали обрывки пользовательских файлов по всему ДАТА-центру.

Ничем не завершились неоднократные попытки поиска родителей Виктора Вайсберга – гражданина Мира с паспортом государства Лихтенштейн. Стоило его старикам, никогда не покидавшим родного Дрогобыча, перебраться на постоянное место жительства в славный город Кобылинск, весь город буквально на корню выкупает транснациональная корпорация, контролируемая Вайсбергом. И после этого поиски стало вести небезопасно. Во всяком случае, именно в Кобылинске затерялся след двух не в меру любознательных журналистов ростовского кабельного телеканала «Юг-ТВ».

Давно недоступны для внешнего мира и многочисленные родственники депутата-миллиардера Руслана Кемирова, главного специалиста России по слияниям и поглощениям. Отец Руслана много лет отработал следователем в уголовном розыске города Дербента, мать занимала должность бухгал-

тера в городской сберкассе, что на углу проспекта Ленина и бульвара Победы, тем не менее родители Кемирова зачем-то решительно снялись с насиженного места и перебрались в ближнее Подмосковье. Куда именно – неизвестно. Там же, в неизвестности, проживают сейчас две незамужние сестры Кемирова, его двоюродный брат и дядя по отцовской линии.

Непонятно зачем и куда разбежался медперсонал родильного дома в Волгограде, где, как уверяют, появился на свет Роман Берёзкин. Здание было признано аварийным еще двадцать лет назад и тогда же снесено постановлением Волгоградского горисполкома. Странно, правда? Впрочем, никого эти странности не волнуют. И только я иногда о них вспоминаю, когда нужно чем-то голову занять. Как сегодня, например. Пустую комнату я уже давно изучил. Разглядывать белый потолок в желтых потеках и четыре стены с обоями в полоску – бессмысленно. Можно, правда, смотреть в окно. Но сектор обзора уж слишком ограничен. Виден только угол соседнего дома, мрачной серой пятиэтажки, где постоянно ругаются местные жители. Голоса у всех местных гортанные, по-восточному экспрессивные. Из чего нетрудно сделать вывод, что это турки-гастарбайтеры. Значит, с большой долей вероятности я могу предположить, что нахожусь сейчас на окраине восточной части Берлина, в каком-нибудь старом спальном районе типа Карлсхорста.

Этот район мне не по душе. Аура у него плохая. Как и у многих районов Восточного Берлина, впрочем. Но уйти

я никуда не могу. Мою левую руку сжимает полицейский наручник, объединенный с чугунным радиатором центрального отопления стальным тросиком в зеленой пластиковой оплетке. Они хоть и продаются в любом магазине спорттоваров, но конструкцию имеют вполне надежную, поэтому вырваться не стоит даже пытаться. Можно лишь отползти на полметра от стены. Но ползать мне не хочется из-за головной боли. Моя бедная голова раскалывается так, словно вчера на нее наступил слон. Нет, даже не слон. Животное, наступившее на меня вчера, было намного крупнее слона. Оно было размером с карьерный самосвал БелАЗ. И только полный идиот не смог бы разглядеть такую опасность вовремя...

– Алик! – кричу я в глубину квартиры, все еще надеясь, что он прячется за стенкой. Но ответа нет. И это меня раздражает. Я со стоном перекатываюсь на бок и думаю о том, что мой бывший друг Алик хоть и паскуда и тварь, но непредсказуемые поступки – это не в его стиле. Боль понемногу перетекает из затылка в правый висок. Я сдвигаю наручник пониже, на запястье, как можно компактнее сворачиваюсь на куче провонявших сырой рыбой тряпок и опять закрываю глаза. Мне нужно успокоиться. И что-то придумать к приходу этого психопата...

– Уже проснулся, Жека? Головушка как? Все еще бо-бо?
В глаза мне бьет яркий свет. Я морщусь и пытаюсь закрыть лицо руками.

– Алик, да отстегни ты эти наручники. Ты что, похитить меня решил? За меня выкуп точно никто не даст, ты же знаешь...

– Ха-ха, Жека, не делай мне смешно!

– Тогда хоть воды принеси, – прошу я, стараясь не раздражаться.

– Воды? – Алик нагло ухмыляется, небрежно вытаскивает из кармана банку колы и бросает ее мне. – Я забыл оставить тебе воды? Ах, извини, дружище!

Кола в банке теплая, пенистая и мучительно сладкая. Но я все равно уничтожаю жидкость в три глотка...

– Альбертыч, будь человеком, принеси минералки, – прошу я. – Или хотя бы простой воды из-под крана...

– А ты был человеком, когда я тебя по всему свету искал, а? – ворчит он.

– Откуда я мог знать, что ты меня ищешь? – парирую я.

– Скажешь, не знал, что это я звоню? И сообщения мои в блоге не видел, да?

– Клянусь, не знал. Мало ли кто мне в блог пишет. На все сообщения не отреагируешь. Насчет звонков – это да. Виноват. На незнакомые номера не отвечаю...

– Значит, не скрывался?

– Говорю же, нет!

Алик грустно качает головой.

– Поздно, Жека. Ты уже спалился... Водой я тебя, конечно, обеспечу. Кормить тоже буду. Еды у нас в достатке. Даже

никуда бегать не придется. Я на этот случай ящик консервов припас. Надеюсь, ты не огорчишься, что они кошачьи?

– Огорчусь.

– Мне будет трудно, конечно, но я переживу твоё огорчение, – усмехается Алик.

– А наручники снимешь? – вяло интересуюсь я.

– Когда увижу твою готовность к добровольному сотрудничеству. Ферштейн?

– Гитлер капут...

– Вот это совсем другое дело, дружище. Поднимайся. Приглашаю тебя к столу. Посидим, потремим. Как в старые добрые времена. Но сначала подставляй ноги. Буду делать тебе временные путы. И руками не размахивай. Держи их за спиной до тех пор, пока я не пристегну тебя к кухонному столу. Дергаться не пытайся. Сбежать тоже. Учти, в случае сопротивления – стреляю!

Алик с ухмылкой хлопает по оттопыренному карману своей камуфляжной куртки и гордо демонстрирует его содержимое.

– Видел такую штуку?

– Видел, – киваю я. – Если ты не у косовских албанцев её брал, то поздравляю. Достойный выбор. «Беретта М-98». Калибр – 7,65. Масса – около килограмма. Магазин на 15 патронов. Был принят на вооружение армией США в 1985 году. Пистолет весьма неприхотливый, надежный, с приличной кучностью боя...

– Молодец, – улыбается Алик. – Все знаешь.

Я пожимаю плечами. В том смысле, что если у человека в руках «Беретта», то спорить с ним мне не резон. Я лучше соглашусь быть прикованным к кухонной батарее. Тем более что там я буду не одинок. На кухне хозяйничает женщина Алика. Она крошит что-то на разделочной доске, всхлипывает и коротким движением смахивает слезу. Но я не отношу эти эмоции на свой счет. Видимо, она крошит лук.

– А фрау будет с нами ужинать? – намеренно громко интересуюсь я.

– Сам ты фрау! – фыркает она, стряхивая лук с разделочной доски на огромную черную сковородку. – Я фройляйн. И не возникай, если не спрашивают. Усек?

– Да, – послушно киваю я. – Усек.

Сегодня мне легко со всеми соглашаться. Я почти невесомый. У меня нет эмоций. У меня все хорошо. Я всем доволен.

– Только еще один вопрос. Можно?

– Валяй, – соглашается Алик. – Мы же друзья или почему?

– А у фройляйн есть такой пистолет?

– А не твое собачье дело! – вспыхивает она. – Все у меня есть. Но я тебя и без всяких пистолетов порву на британский флаг!

Алик громко ржет и двигает в мою сторону пепельницу с пачкой «Мальборо».

– Кури, май френд. Наслаждайся, пока я добрый.

– Спасибо, я три года как бросил. И тебе совету. Лично я практически перестал кашлять. И вообще стал меньше болеть острыми респираторными заболеваниями.

– Хочешь долго жить? – интересуется женщина Алика. Она отходит от плиты, вынимает из пачки сигарету и демонстративно прикуривает.

– А вы разве не хотите? – удивляюсь я.

Она фыркает, подходит почти вплотную и выдыхает дым мне в лицо. Похоже, желает получить удовольствие от моего унижения. Странная женщина. Нет, скорее, девушка. Ей около двадцати пяти. И она вполне могла бы считаться симпатичной, но, на мой взгляд, хищные ноздри и слишком узкий подбородок ее портят.

– Чего пыжишься, урод? Все еще нравлюсь? Или не узнаешь?

Она смеется, возвращается к плите и бросает в пластиковую тарелку пригоршню разогретого на растительном масле картофеля фри. Я послушно принимаю тарелку и едва сдерживаюсь от острого желания стукнуть себя кулаком по лбу. Черт! А ведь она права: я урод. Ведь это та самая Маша, с которой я «зажигал» вчера в «Сталинграде». Теперь картина становится понятнее. Коктейли пили? Пили. Кто за ними ходил? Она и ходила. Могла фройляйн Маша подсыпать в мой коктейль какой-нибудь гадости? Однозначно могла. Значит, сам и виноват. Нечего было торчать в дешевом дансинге. Хотел посмотреть, как живет русский Берлин? Вот и посмот-

рел. Хорошо живет...

– Алик, – не выдерживаю я. – Тебе от меня что нужно?

Алик долго молчит, поглощая разогретый картофель с таким аппетитом, словно только что вернулся из голодающей африканской страны, потом вытаскивает из кармана мое портмоне и крутит его в руках.

– Можешь взять все содержимое, – сразу соглашаюсь я. – Но портмоне не трогай. Оно дорого мне как память.

– Сколько здесь? – хмыкает Алик.

– Вчера были две купюры по двадцать евро. И карточка «Виза». На ней примерно пятьсот. Можешь взять всё. Я скажу код. Но больше ничем не могу помочь.

– Странно. – Алик удивленно поигрывает бровями. – У тебя. В портмоне. Живут. Бабки. Ты же страшно не любишь бабки, Жека. Даже в руки их стараешься не брать. Или я что-то пропустил? Что-то изменилось за то время, пока мы не виделись? Тебя же от бабок всегда трясло, как бешеного паралитика...

– От «деревянных» меня и сейчас трясет, – как бы неохотно признаюсь я.

– Ха! А от евро, значит, не трясет? – удивляется Алик.

– Тоже потряхивает. Но слабо. Вообще чем тверже валюта, тем слабее через нее проходит сигнал. Не знаю почему. Но это так. И рубль – еще не самый сильный проводник...

– А это мы сейчас проверим. – Алик по-хозяйски роется в моем портмоне, вытаскивает из него мятую двадцатку и

припечатывает ее к столу. – Бери, Жека, не стесняйся. Здесь все свои.

Я со вздохом поднимаю со стола синюю купюру весом в восемьдесят одну сотую грамма. В кончиках пальцев чувствую только легкое покалывание. Алик, кажется, разочарован.

– Так-с, – говорит он. – Первый эксперимент следует признать неудачным. Попробуем теперь с нашими. Мария, давай тысячную. Нет, для начала – сотку.

Девушка снимает с подоконника свою сумочку, долго ищет в кошельке мелкую купюру и со смешком кладет ее на стол. Я напрягаюсь. Мне очень не нравятся рубли. Я не видел их уже два года. А была бы возможность, не видел бы и до конца жизни...

– Давай, Жека, не тyani.

Алик нетерпеливо подвигает сотенную ближе ко мне. Я осторожно притрагиваюсь пальцем к полузабытым очертаниям Большого театра, но поскольку площадь контакта небольшая, то боли почувствовать не успеваю. Так, легкий угол, словно острой иглой.

– Нет, ты деньги в руки возьми, в руки, – настаивает Алик.

Зажмурившись, я буквально на полсекунды накрываю купюру ладонью и сразу же с шипением отдергиваю руку подальше, но кисть все равно успевает занеметь.

– Как ощущения? – живо интересуется Алик.

– А ты не видел? – ворчу я.

– Вот, Маша, как людей от родных осин-то колбасит! – довольно хрюкает Алик над собственной шуткой. – А расскажи мне как другу, какие купюры в руки лучше вообще не брать?

Я коротко пожимаю плечами. Я и сам не все успел попробовать. Мне вполне хватило рупий. Когда я случайно за них схватился, почти месяц руку лечил. Такой сильный ожог был, что никакие припарки не помогали. Кожа почти до локтя слезла...

Девушка Маша демонстративно отворачивается к окну и вяло интересуется:

– И долго мы еще будем здесь развлекаться? Только время теряем...

Задумчивое выражение на лице Алика мгновенно исчезает, словно кто-то стирает его мокрой тряпкой. Теперь у него на лице одна лишь деловая озабоченность.

– Да, Жека, она права. Времени у нас мало. Искал я тебя долго, поиздержался, сам понимаешь, в дороге. Да и Али-Бабе задолжал за два месяца аренды...

– Понятно, – киваю я. – Сколько с меня за беспокойство?

– Не перебивай. Дело не в сумме, а в принципе. – Алик косится на подружку. – Нет, ну и сумма, конечно, имеет значение. В общем, с тебя сто тысяч евро. Это мои прямые затраты, как ты сам понимаешь. И еще моральный ущерб.

– Не многовато? – удивляюсь я. – Сто тысяч евро? Ты в своих поисках на Марс случайно не летал?

Маша хмыкает. Лицо Алика сразу идет красными пятнами. У него это с детства. Когда психует, то всегда краснеет.

– Вопросы здесь задаю я! – взвизгивает Алик. – Ты думаешь, мне в Колумбию мотаться хотелось? Или в Камбоджу?

– Да понял, понял, – примирительно говорю я. – Ты только ничего плохого не подумай, но ни в Колумбии, ни в Камбодже я никогда не был. И деньги, которые ты просишь, я в жизни не зарабатывал. Ты ничего не попутал, Алик? Это же я, твой старинный друг Евгений Титов, простой русский программист. Мне на последней работе платили двадцать пять тысяч евро в год. А четыре месяца назад вообще уволили...

Но Алик меня уже не слушает. Ему кружат голову близость сладкого и теплого тела его подружки Маши и ощущение близкой победы разума над здравым смыслом. Он важен и самоуверен. Он набирает воздуха и небрежно произносит:

– Вот только не надо мне этих твоих ля-ля, Евгений. Я понимаю, что таких бабок в данный момент у тебя нет. Но зато ты знаешь места, где они есть. Ты же у нас гений по части финансовых потоков. Вот и покажи нам место, где эти потоки самые жирные. Там мы и встанем...

– И что потом? – интересуюсь я.

– А потом мы наберем много-много бабосов и быстро-быстро с ними побежим. Грубо говоря, дадим деру!

Алик доволен. Он сегодня буквально фонтанирует тупым юмором.

– Но и это еще не все, Жека. Когда мы возьмем все, что

ты мне задолжал, то пойдем искать то волшебное место, где должен вылупиться этот твой Зародыш.

– А-а, ну теперь мне все понятно, – киваю я.

И сразу замолкаю, чтобы потянуть время. Потому что на самом деле мне ничего не понятно. То есть желания Алика – они понятны, поскольку естественны и просты, как у любого одноклеточного организма, которому необходимо питаться и размножаться. Но я не верю, что мысль найти меня и взять в заложники родилась в одноклеточном мозгу Алика сама собой. Не верится и в то, что катализатором такого желания могла стать его одноклеточная подруга Маша...

– Почему молчим? – ехидно интересуется Алик.

– Потому что говорить нам не о чем, – со вздохом произношу я. – С тех пор как мы все слегка разругались – не хочу напоминать причину ссоры, поскольку она тебе может быть неприятна, – темой Зародыша я не занимался. Я вообще думаю, что мы тогда сильно ошиблись. И даже если Зародыш действительно существует, то найти его программными средствами не представляется возможным. Здесь, видимо, нужен какой-то другой метод. Я думаю...

– А ты не думай, – развязно перебивает меня Алик. – Ты нисколько не изменился, Жека. Все время нудишь и нудишь по каждому пустяку. Что, опять собрался меня лечить своим абстрактным гуманизмом? Мы потому и разбежались, что ты все время пытался всех лечить. Но теперь-то я тебя слушать не стану. Я буду действовать. Тем методом, который

сам считаю правильным. Ферштейн?

Стайка потомков гордых сельджуков, расположившаяся прямо под козырьком подъезда, дружно поворачивается к нам десятком голов и пристально наблюдает, как мы рассаживаемся в рассыпающийся от старости «мерседес».

– Вот же черти! – возмущается Алик, нервно вжимаясь в водительское кресло. – Весь город заполонили. Куда ни зайди – одни турки!

– Не весь, – рассеянно поправляю я. – По официальной статистике, их чуть больше двухсот тысяч...

– Куда двинем? – Алик уже опять улыбается. Видимо, в мечтах он уже давно обходит вместе с Машей шикарные магазины, сосредоточенные вокруг бульвара Кудамм, и готовится осваивать самые продвинутые бутики на Потсдамерплац и Фридрихштрассе.

– Езжай прямо, а потом вперед. Интересно, где ты таким корытом разжился? Попал на распродажу имущества Тевтонского ордена?

– В Магдебурге купил у какого-то старого фрица, – ворчит Алик. – Прикинь, сначала он за эту телегу три штуки евро просил... Ладно, чего это мы опять о грустном. Пора нам, друзья, наслаждаться жизнью. Сегодня же свезу этого «мерина» на свалку. Или нет, лучше задвину его Али-Бабе в счет аренды. – Алик хихикает. – Слышь, Жека, набрось за разъездной характер работ еще пятьдесят штук. А что? Вполне

справедливо будет. А я и тебя на новой машинке покатаю. Как думаешь?

– Думаю, мы справимся, – киваю я. – Только ты на дорогу смотри, а то задавишь торговца кебабами...

Маша взвизгивает. Алик в последнюю секунду успевает выкрутить руль влево, растерянный торговец отпрыгивает, бросает свою громоздкую тележку и еще долго с испугом смотрит нам вслед.

– Твою мать! – возмущается Алик. – Понаехали тут!

Следующие полчаса мы молчим. И мне это нравится. Когда Алик приближается к очередному перекрестку, я на некоторое время задумчиво закрываю глаза, как бы вглядываясь во что-то, видимое только мне, а потом с важным видом показываю рукой следующее направление. На самом деле мы движемся абсолютно произвольно. Просто я жду, когда они намотаются по городу и устанут, а за это время я надеюсь придумать что-то стоящее. Но для этого мне нужно как минимум расслабиться и стать таким легким, чтобы я смог взлететь над крышами Берлина и хорошенько осмотреться...

Проскочив далеко на северо-запад, к Тегельскому озеру, мы делаем крюк по западным районам, заправляемся, перекусываем разогретыми бутербродами в «Бургер-Кинг» и опять поворачиваем на восток. Вообще-то Берлин я знаю отвратительно. Только редкие его куски. Там, где жил и работал. Когда я изредка перемещался по Берлину, то поль-

зовался исключительно метрополитеном. Но сейчас я вижу, что по берлинским улицам передвигаться совсем несложно. И даже приятно...

– Стой! – команду я.

Алик послушно тормозит. Мы оба выходим из машины. Я разминаю рукой шею и оглядываюсь. Я пока еще и сам не понимаю, что именно меня привлекло. Но я доверяю своей интуиции. Что-то здесь должно быть. Это точно. Я почувствовал толчок. И довольно сильный. Поэтому не тороплюсь. Обхожу машину, оглядываюсь еще раз, потом еще раз, уже внимательнее. И победно смотрю на Алика.

– Видишь?

– Что я должен видеть? Куда смотреть? – Алик топчется у отваливающейся дверцы своего «мерседеса» и периодически оглаживает взглядом дремлющую на заднем сиденье подружку.

– Указатель перед съездом видишь? Там написано: «Rennbahn».

– И что? – ворчит Алик. – Я только «гутен морген» успел усвоить.

– Вот и напрасно, – укоризненно качаю головой я. – Здесь, например, написано, что в пятистах метрах от нас имеется поворот к ипподрому. Ты бывал на ипподроме?

– На ипподроме? Зачем?

Алик напрягает мозг. Он пытается думать. Судя по выражению его лица, думать – это очень тяжелый труд.

– Алик, все просто. На ипподроме устраивают бега. Еще там есть тотализатор. Тебе, если не ошибаюсь, нужны были деньги?

– Ты меня за идиота-то не держи, – начинает сердиться Алик. – Если хочешь сказать, что там сходятся финансовые потоки, так и скажи...

– Именно, – киваю я. – Жирные такие потоки и очень безопасные. Сами просятся, чтобы мы подставили тазик. Двести штук евро тебе хватит?

Алик хмурится.

– Нужно ведь билеты покупать... А вдруг мы это... проиграем?

– Ну, риск есть, тут ты прав, – соглашаюсь я. – Но большие деньги можно подманить только деньгами. Это – как рыбалка. Ты же не станешь забрасывать удочку с голым крючком, правда? Даже если тебе подсказали самое рыбное место, на крючке все равно должна болтаться наживка... Или ты представлял себе этот процесс как-то иначе? Ты думал, что мы приедем, типа, в лес, а там на кустах кто-то оставил нам тугие пачки евро?... А-а, понял, ты ожидал, что евро начнут сыпаться прямо с неба?... Алик, ты же взрослый мужик. Финансовые потоки – это метафизическое понятие. Материального наполнения этот термин не имеет. Деньги – это не нефть. Они не перемещаются по длинному трубопроводу, в котором можно проковырять дырку.

– Не таракти! – обрывает меня Алик.

Он явно смущен. Похоже, я угадал про трубопровод.

– На ипподроме будет тьма народа. Кто-нибудь обязательно заметит твои браслеты и стукнет полицаям. Не знаю, как бабла, но полицаяев там точно будет...

– А тыними с меня наручники, – пожимаю плечами я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.